

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М.: Изд-во КГПА, 2013. 350 с.

В настоящее время значительно возрос интерес к изучению лексического состава русского языка с точки зрения его происхождения и включения полученных в результате анализа данных в новейшие научные парадигмы. В этой связи словарь Л. П. Михайловой представляется крайне важной и нужной работой. В ней аналитически осмысляются и репрезентируются некоторые сложные, не получившие должного освещения словарные материалы на фоне непростых проблем диалектной лексикологии, морфемики, фонетики и фонологии.

Работа базируется на большом фактическом материале, что делает ее важным источником для исследовательской диалектологии.

Материал для словаря накапливался автором на протяжении многих лет, в том числе и при работе над составлением словарных статей для «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» с 1970 по 2004 г. в составе редколлегии СРГК под руководством А. С. Герда. При изучении лексики севернорусских говоров в ареальном и этноисторическом аспектах, сопоставлении данных разных лексикографических источников обнаружилось многочисленное лексико-фонетические варианты, отличающиеся от исходного слова явлениями, не характерными для русского языка, не обусловленными историческими процессами в языке. Поиск причин изменения внешнего облика русского слова привел к необходимости учета Л. П. Михайловой особенностей фонетических систем языков, с которыми русский язык взаимодействовал в течение многих столетий, естественным результатом чего стало своеобразие исконных лексических единиц контактирующих языков.

На начальном этапе исследования внимание автора было сосредоточено на лексике русских говоров Карелии, затем – говоров Севера и Северо-Запада, особенно псковских и новгородских; в последующем границы материала, отражающего выявленные нами типичные процессы, были расширены.

Реально в поле внимания оказалось большинство русских диалектных словарей. Методом сплошной выборки выделены лексические единицы, обладающие так называемыми экстенциальными признаками, то есть элементами, возникшими под воздействием иноструктурной языко-

вой системы. В процессе работы над словарем менялись некоторые принципиально важные лексикографические ориентиры, в частности, материал сначала подавался в алфавитном порядке, что затрудняло при пользовании словарем видение словарных и этимологических связей единиц, имеющих одну исходную лексему или единый этимон. В итоге в словаре используется алфавитно-гнездовой способ подачи материала.

Автором выявлено около 5000 лексических единиц, обладающих признаками экстенциального характера. Представленный в словаре материал неоднороден как в отношении проявления того или иного признака иносистемного языка, так и в отношении к степени вхождения в систему русской диалектной лексики. В связи с этим материал словаря может дать широкие возможности для решения многих вопросов, касающихся этноязыковых контактов, состояния севернорусской лексической системы, а также для этимологизации многих слов русского языка, которые считаются единицами неясного происхождения.

По типу словарь, включающий в себя экстенциальные лексические единицы русского языка, является сопоставительным, так как в нем представлены семантически тождественные слова, отличающиеся одной-двумя фонемами, бытующие в разных говорах. В общеизвестной классификации диалектных лексических различий подобные лексемы рассматриваются как лексико-фонетические варианты.

В словаре объединяются разные лексические единицы, которые имеют какой-либо отличительный признак внешнего воздействия в сравнении с обычными для говора словами, и лексемы, образованные на их базе. В состав словаря входят лексикализованные фонетические варианты, которые могли возникнуть под влиянием иноструктурной языковой системы.

При отборе лексики в словарь существенными для автора были следующие положения:

1. Несистемный характер явления в фонемном составе слова.
2. Совпадение семантики сопоставляемых слов.
3. Фонетическое и т. п. сходство со смежными контактирующими языками.

Подводя итог под теоретической основой словаря, следует отметить обоснованность в большинстве случаев выводов по сопоставлению вариантов единиц, помещенных в словарь.

Весьма удачны многие найденные сопоставления различных лексических гнезд. Однако ввиду сложности материала по тексту работы можно высказать некоторые соображения, а в ряде случаев и предложить иные версии происхождения некоторых лексических гнезд.

1. Вариантность в русской диалектной макроструктуре и на уровне региональных говоров – вещи совершенно различные. Так, например, в сводной диалектной лексикографии (СРНГ) репрезентируются только фонологические варианты, а фонетические варианты даются в случае неясности происхождения лексикографируемой единицы. Поэтому сведение в одно гнездо дистантных диалектных данных требует крайней осторожности и серьезной историко-этимологической базы.

2. Вероятно, не вполне оправданна попытка обзреть данные всех русских говоров, поскольку в разных регионах их фонетическая основа и иноязычные континуумы, влияющие на нее, могут быть различны. В Якутии и в Брянской области сходные на первый взгляд чередования могут обладать различной основой. По нашему мнению, следовало бы ограничиться регионом, описанным в СРГК.

3. В работе представлены как однотипные слова единицы, в которых утрачивается начальный согласный перед согласным. Вероятно, процессы, лежащие в основе такой утраты, не будут тождественными для разных консонантов, и в дальнейшем при осмыслении такого рода данных потребуется их разграничение. Так, например, *алва* < *халва* (Брян.), где [x] фрикативный и *арба* ‘сеть для крупной рыбы’ и *гарба* ‘то же’ в плане морфонологических изменений представляют собой разные явления.

4. Некоторые данные, рассматриваемые как варианты, можно трактовать несколько иначе. Автор рассматривает как вторичную единицу *а’рандать* ‘ворчать, брюзжать’ из *варандать* [Михайлова, 2013. С. 19]. Однако Лесков впервые дает карельскую этимологию, ср. кар. *äristä* ‘ворчать (о старухе)’ [Лесков, 1892. С. 98]. Погодин сравнивает с фин. *aristaa* ‘пугать, бояться’, едва ли достоверной из-за семантических различий [Kalima, 1915. С. 79; Фасмер. Т. 1, с. 83], ср. также: фин. *äristä, ärätä, äräjää* ‘ворчать, брюзжать’, в том же и близких значениях карел. *äriššä, ärätä*, ливв. *äristä, äräjeä*, люд. *äristä*, вепс. *äraitä, äreita* (SKES: 1876), вепс. *äraitä*, вепс. шим. *areita* ‘ворчать, рычать’ [СВЯ: 658]. География (юго-запад региона) указывает на вепсское происхождение, как обычно и квалифицируются глаголы на -ндать с прибалтийско-финскими основами. Таким образом, первичен глагол *а’рандать*, а вторичен *ва’рандать*.

5. Не всегда можно однозначно сказать, идет ли речь о вариантности или не исключена возможность контаминационного воздействия. Так, например, в словаре лексема *араника* представлена как вариант к *вороника* [Михайлова, 2013. С. 19]; однако в данном случае следует учитывать общенародное *а’рника*, и, ж. Растение сем. сложноцветных, употребляемое как медицинское средство; иначе: баранья трава [БАС].

6. В ряде случаев сопоставляемые варианты являются различными рефлексам исторического развития в диахронии, а не синхронными вариантами, например: *га’ло* ‘приспособление для сгибания полозьев’ Вашк., Кадн. Волог. сопоставляется с *бгало, бгал* ‘станок, на котором гнут полозья для саней’ Брян. [Михайлова, 2013. С. 98].

Не учитывается тот факт, что лексема *га’ло* стоит этимологически в одном ряду с *ба’ло*.

Га’ло ‘снаряд для гнутья дуг, ободьев, полозьев’ – «Гибало, снаряд для гнутия дуг, ободьев и полозьев: в сплоченных брусках вырублен круг или погиб бороздою; плаха, распоренная в паровике или под землей, на которой разложен большой огонь, вкладывается в гало и заклинивается» [Даль; СРНГ, 6: 116]. *Гало* ‘пролет в потолке между балкой и стеной или между балками’, «у плотников» Ветл. Костром. [СРНГ, 6: 116]. *Га’ло* ‘приспособление для выгибания дуг, полозьев’ Бабаев., Белозер., Вашк., Кадн. [СГРС].

Данная лексема, вероятно, является преобразованием от *гиба’ло*, причем обе единицы функционируют в диалектах, а последняя была представлена в стандартном языке еще в XIX веке: *гиба’ло* ‘станок, на котором шлюпочные плотники гнут из брусков шпангоуты для гребных судов’ [Слов. Акад., 1: 260]. В вепсском языке от глагола *painda* ‘гнуть (дуги, полозья)’ имеется семантически сходное наименование – *paine, painez* ‘гибало (станок, на котором гнут санные полозья)’ [СВЯ: 393].

Единица *гиба’ло* имеет еще один рефлекс: *ба’ло* ‘приспособление для загибания полозьев, ободьев, дуг, колес, состоящее из толстого, с двух сторон стесанного бревна с вырезанными в нем желобами’ Охан. Перм., 1854. Перм., Волог., Кем. Арх., Печор., Карсвайск. Удм. АССР, Свердл., Сиб., Тобол., Мариин. Кемер., Тюмен., Том., Нерч. Забайк. [СРНГ, 2: 83]. ‘Инструмент для сгибания дужек (ручек) для крышек бурачков, туесов и т. п.’ Никол. Волог., 1895–1898 [СРНГ, 2: 83]. ‘Березовые рейки для полозьев’ Арх., 1954 [СРНГ, 2: 83]. *Ба’ло* ‘приспособление для загибания полозьев и дуг’ Медвежьегор. [СРГК, 1: 36]. *Ба’ло*

‘приспособление для загибания полозьев, дуг, колес’ Вельск., Вилегод., Виногр., Верхнетоем., Краснобор., Котлас., Ленск., Лешукон., Пинеж., Примор., Устьян., Холмогор., Шенк., Бабушкин., Верховаж., Великоус., Кичменгско-городец., Никол., Сямж., Тарног., Тотем. [СГРС]. ‘Деревянный ворот у колодца’ Верховаж. [СГРС]. ‘Полная женщина’ Холмогор. [СГРС]. *Ба’ло* ‘приспособление для гнутья полозьев’ Пинеж. (Валдокурье, Вонга, Айнова Гора, Усть-Ежуга) [Сими́на]. *Ба’ла* ‘приспособление для гнутья санных полозьев’ Заонежье [Куликовский]. Коми-Перм., Ныроб., Чердын. Перм. [Матвеев, 1964. С. 287]. *Ба’ло* ‘то же’ Свердл. [Там же]. *Бало’* ‘то же’ Карсов. Удм. [Там же]. *Ба’ло* ‘устройство для сгибания санных полозьев’ Аким. [СГДА, 1: 49].

А. К. Матвеев предполагает, что это заимствование из коми языка, ср. коми *бала*, коми-перм. *бава* ‘приспособление для гнутья санных полозьев; колодка (напр., сапожная)’ [Матвеев, 1964. С. 287]. Однако авторы КЭСЯ полагают, что коми *бала* ‘колодка (сапожная), для гнутья полозьев и т. п.’ имеет русские источники: *болва’шек* ‘колодка для обделки или расправления чего-л.’ [КЭСЯ: 36]. Таким образом, форма *ба’ло*, вероятно, возникла при переразложении слова *гибало*. Л. Г. Панин возводит *бало* < *гибало* к праслав. *gibadlo [Панин. С. 31]. Ср. *гиба’ло* ‘деревянное приспособление для загибания полозьев’ Бокситогор., Чагодощ. [СРГК, 1: 332]. А. Е. Аникин считает возможным возводить данную лексему к праслав. *gьbadi ‘гнуть’ [ЭССЯ, 7: 187; Аникин, 1987. С. 109].

А лексемы *бгало*, *бгал*, зафиксированные в брянских говорах, восходят к белорусским источникам: ср. белорусск. *бгаць* ‘гнуть, мять’ [ЭСБМ, 1: 340].

Хотя М. Фасмер сопоставляет *быга́ть*, *обыгать* с *бгать* ‘гнуть’, при итеративном -ы- в первом случае, возводя к *гьбати, *гнуть*, при возможной связи с нем. *biegen* ‘гнуть’ [Фасмер. Т. 1, с. 257].

7. Когда представляются данные, общие на восточнославянской почве и вошедшие в севернорусские говоры из смежных языков, это как-то образом следует разграничивать. Например, *ва’йда* ‘доска’ Вытегор. Волог. и *байда* ‘паром’ Дон. [Михайлова, 2013. С. 72] являются единицами различного происхождения. Ср. укр. *байда* ‘долбленая лодка’, тогда как *ла’йда* ‘борт лодки’ Вытегор. [СРГК, 3: 92] и *ва’йда* ‘доска’ Вытегор. [СРГК, 1: 158] на прибалтийско-финской почве являются единицами одного гнезда, ср. фин. *laita*, кар. *laida*, люд. *laid*, ливв. *laidu* ‘доска’ [SKES: 271], причем вторая явно восхо-

дит к вепс. *laud*, *loud*, *lād* ‘доска’ [СВЯ: 279], *laid* ‘борт лодки’ [СВЯ: 272]. Вариативность [в] и [л] ввиду особенностей произношения последней вполне объяснима. Авторы SKES сомневаются в германском происхождении гнезда *laita* ‘доска’, при саам. норв. *lai’de* ‘борт речной лодки’; из эст. *laid* ‘борт, борт лодки’ происходит латыш. *laides* ‘борта лодки-плоскодонки из одного бревна’ [SKES: 271]. В SSAP германское происхождение этого «мореходного термина» уже не вызывает сомнений [SSAP, 2: 38].

Высказанные соображения никоим образом не снижают высокой научной оценки труда Л. П. Михайловой, и следует констатировать, что «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» представляет собой работу, выполненную на высоком научном уровне, с весьма серьезной практической значимостью. Впервые продемонстрированы возможности анализа диалектных данных на широком языковом фоне с введением в оборот комплексного анализа данных с весьма широкой сферой внимания, дающей возможность выдвижения нетривиальных версий и получения значимых результатов.

С. А. Мызников

Литература

- Аникин А. Е. Финно-угорско-русские этимологические и лингвогеографические заметки // Совет. финно-угроведение. 1987. XXIII, 2. С. 109–111.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, исправ. и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
- Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (в тексте – КСРГК).
- Картотека «Словаря русских народных говоров» (в тексте – КСРНГ).
- Куликовский Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонечкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999 (в тексте – КЭСЯ).
- Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. Budapest, 1964. Т. 14, Ф. 3–4. С. 285–315.
- Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.
- Полевое лингвогеографическое обследование автора (в тексте – ПЛГО).
- Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне карто- тека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН) (в тексте – Сими́на).

Словарь вепского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1972 (в тексте – СВЯ).

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011 (в тексте – СГДА).

Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2011. Т. 1–5 (в тексте – СГРС).

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6 (в тексте – СРГК).

Словарь русских народных говоров. Т. 1–46. М.; Л.; СПб., 1965–2013 (в тексте – СРНГ).

Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991. 179 с. (в тексте – Панин).

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965 (в тексте – БАС).

Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. СПб., 1847. Т. I–IV (в тексте – Слов. Акад.).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачова. М., 1974–2012. Вып. 1–38 (в тексте – ЭССЯ).

Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Мінск, 1978–2010. Т. 1–13.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981 (в тексте – SKES).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000 (в тексте – SSAP).